

художественной практике его современников, а другие резко отличаются от этой практики. Мощная традиция христианского романтизма, характеризующаяся в России именами А.И. Одоевского, Н.П. Огарева, Ф.Н. Глинки, Н.И. Греча, отчасти Гоголя («Портрет») и Ф.И. Тютчева, продолжала развиваться в недрах реалистического метода Достоевского, и знаменитая поэма «Двенадцать» Блока позволяет нам говорить о плодотворности этой традиции.

¹ Назиров Р.Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. 1970. № 2. С. 114 – 122.

² Литературное наследство. Т. 83. М., 1971. С. 380.

³ Там же. С. 481.

⁴ Юркевич П.И. Воспоминания старожила // Исторический вестник. 1882. № 10. С. 172.

⁵ Назиров Р.Г. Трагедийное начало в романе «Униженные и оскорбленные» // Филологические науки. 1965. № 4. С. 35 – 36.

⁶ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 1970. С. 555 (Лит. памятники).

⁷ Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 455.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Там же. С. 135.

¹⁰ Федоров Г. Москва Достоевского // Литературная газета. 1971. 20 октября. № 43. С. 7.

¹¹ Милуков А.П. Доброе старое время. Очерки былого. СПб., 1872. С. 98 – 99.

¹² Кони А.Ф. Избранные произведения. Т. 1. М., 1959 (речь «По делу о расхищении имущества умершего Николая Солодовникова»).

¹³ Из архива Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы. М.; Л., 1931. С. 167.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 230.

1974

К ВОПРОСУ О ПРОТОТИПЕ СТАВРОГИНА

Николай Ставрогин остается едва ли не самым загадочным из героев Достоевского. Далеко не ясно отношение романиста к этому образу; загадочен генезис образа, давно уже занимающий исследователей творчества Достоевского.

В 20-е годы большой резонанс имела гипотеза Л.П. Гроссмана: прототип Ставрогина – Михаил Бакунин. Тогда же В. Лейкина

выдвинула встречную гипотезу, называя прототипом героя другого известного русского революционера – Николая Спешнева. Это мнение было поддержано В.П. Полонским¹. В итоге оживленной дискуссии Гроссман пришел к компромиссному выводу: «Так же, как Петр Верховенский или Шатов, Ставрогин – сложно воссозданная из разных прообразов фигура. Воплощая Бакунина, его личность, его судьбу, его идеологию, он одновременно отражает и близко знакомую Достоевскому фигуру таинственного и демонического Спешнева»².

Этот вывод получил широкое распространение (вплоть до учебников для средней школы). Между тем публикация черновиков романа «Бесы» в 1935 году разрушила эту гипотезу³. В записных тетрадях к «Бесам» имя Бакунина встречается лишь один раз в равнодушно-презрительном контексте, Спешнев не упомянут ни разу, тогда как имя Герцена, например, встречается 12 раз, а будущий Петр Верховенский почти везде назван именем своего прототипа – «Нечаев». Черновики не только не дают оснований связывать генезис Ставрогина с фигурами Бакунина и Спешнева, но и демонстрируют ошибочность некоторых аргументов Гроссмана. Так, при обосновании своей гипотезы «Ставрогин-Бакунин» исследователь уделил большое внимание сцене заушения Ставрогина в романе «Бесы»; эту сцену он счел отражением действительной истории – эпизода с пресловутой пощечиной, которую молодой Бакунин снес от Каткова (не вызвал его на дуэль).

Из черновиков к роману выяснилось, что в начале разработки сюжета Достоевский планировал скандальную сцену обратного характера. Князь (т. е. Ставрогин) бьет Учителя (т. е. Шатова). Затем в связи с переосмыслением центрального образа писатель «перевернул» эту сцену.

Наше литературоведение давно уже не затрагивает эту проблему. Между тем, за рубежом она привлекает внимание. Уже 19 лет назад в Польше появилась книга Станислава Мацкевича «Достоевский»⁴, вызвавшая вполне обоснованную критику в нашей научной печати. Книга сенсационна, Мацкевич стремится показать Достоевского «в домашних туфлях». Однако некоторые соображения этого старого консерватора, хорошо понимающего ушедшую эпоху, могут быть приняты во внимание. В частности, представляется основательной его полемика с концепцией Гроссмана: Бакунин – прототип

Ставрогина. «По нашему убеждению, Ставрогин – не Бакунин и не Спешнев, хотя в нем можно найти чуточку Бакунина и гораздо больше от Спешнева, в соответствии с присущим Достоевскому методом соединения человеческих типов. Важнее всего то, что Ставрогин не хочет быть вождем революции, а Верховенский его упрасивает, умоляет, шантажирует, подсовывает ему женщин – делает все, чтобы Ставрогин этим вождем революции был или по крайней мере считался. Именно этот процесс принуждения и упрасивания Ставрогина, чтобы он стал вождем революции, составляет самую суть всей интриги вокруг Ставрогина. Ввиду этого как же неразумно было считать Ставрогина Бакуниным, которого никто не имел необходимости просить, чтобы он возглавил революцию; напротив, когда где-нибудь на европейском горизонте показывалась какая-нибудь революция..., Бакунин уже летел туда, чтобы навязать себя в качестве вождя. Бакунин – это была активная революционная сила, клокочущий революционный мотор, самый шумный, самый инициативный и самый предприимчивый революционер в мире, а Ставрогин сидит изолированный в своей комнате, постоянно гамлетирирует, никого к себе не пускает, и Верховенский пробивается к нему с большими трудностями»⁵.

Далее Мацкевич начинает развивать свои собственные предположения о возможном прототипе Ставрогина. Он вспоминает о великом князе Константине Николаевиче, брате Александра II. Этот «либеральный» отпрыск Романовых породил у некоторых оппозиционеров надежды на династический переворот с конституционным оттенком. Как говорит Мацкевич, в ту эпоху шептали, что Константин был замешан в террористических покушениях на старшего брата и что самые ужасные революционеры имели доступ в Мраморный дворец (его резиденцию). Мацкевич продолжает: «Я не утверждаю, что Достоевский конкретно имел в виду великого князя Константина, но зато решительно настаиваю, что тип Ставрогина, в плане его отношения к революционному заговору, несомненно ближе к типу великого князя Константина, чем Бакунина»⁶.

Промежуточной фигурой при создании образа Ставрогина Мацкевич считает князя Черкезова, имя которого промелькнуло в процессе нечаевцев⁷.

Предположения Мацкевича недостаточно обоснованы, однако весьма симптоматично, что он ищет прототипов Ставрогина в среде

аристократии. В этом Мацкевич совершенно прав. Ни Бакунин, ни Спешнев не являются прототипами Ставрогина. Обе гипотезы порождены известной инерцией мысли ученых: если «Бесы» – антинигилистический роман, то естественным представляется искать прототипы героев романа в среде революционеров (ведь связь образа Петра Верховенского с исторической фигурой Нечаева общеизвестна). Однако «Бесы» несравненно сложнее обычных антинигилистических романов эпохи; во многом этот роман воплощает замысел «Жития великого грешника», возникший в уме Достоевского еще до нашумевшего дела Нечаева. Ставрогин – одна из вариаций фигуры «великого грешника». Историю его оформления отчасти можно проследить по черновикам «Бесов», которые до сих пор исследованы недостаточно. Наши исследователи 20-х годов правы в одном: у образа Ставрогина действительно были исторические прототипы, как и у целого ряда других фигур романа. Однако прототипичность в романе Достоевского – понятие условное, о чем автору этих строк уже случилось неоднократно напоминать⁸.

Первый набросок сюжета «Бесов» в черновиках имеет заголовок «Зависть». В этом детально развитом плане видную роль играет герой, названный Князем и явно предшествующий образу Ставрогина. «Князь – завистливый, желающий высокого человеческого достоинства даром, гордый без права на то, лицо страдальческое...» («ЗТ», 38).

Далее этот персонаж обозначается инициалами К.А.Б., которые вскоре расшифровываются как «князь А.Б.», поскольку вместо трех букв чаще употребляются обозначения «Князь» или «А. Б.»

«К.А.Б. у него мать, важная барыня и сестра» («ЗТ», 46). «Крупные землевладельцы»... «есть деньги» (там же). «А.Б. завел связь, сглупу, нечаянно, страстный, гордый, независимый человек» (там же).

«А.Б. блистателен, завистлив, горд, низок и все. Безо всякого самообладания своей природой...» («ЗТ», 49).

Под криптонимом «А.Б.» Достоевский скрыл имя и фамилию первоначального прототипа. Вымышленное имя не имело бы смысла зашифровывать. Точно так же писатель зашифровал имя Чернышевского в черновиках к «Идиоту» («жена Ч-го»), о чем говорилось в нашей статье «Герои романа «Идиот» и их прототипы». Позволительно предположить, что писатель имел в виду лицо, еще

живущее в период создания романа и занимающее в России видное общественное положение («блистателен», «крупные землевладельцы»). Далее инициалы «А.Б.» исчезают из черновиков, и будущий Ставрогин всюду называется просто Князем. Однако черты характера этого Князя продолжают и развивают первоначальный набросок «князя А.Б.»

«NB. Князя выставить в романе врагом нигилизма и либерализма и высокомерным аристократом» («ЗТ», 89).

«NB. Князь был развратнейший человек и высокомерный аристократ. Он зарекомендовал уже себя, как отчаянный враг освобождения крестьян и притеснитель их...» («ЗТ», 90).

В этих набросках нет ничего общего ни с Бакуниным, ни со Спешневым. Постепенно выясняется, что Князь этих черновиков мыслился Достоевским как реакционно настроенный аристократ. Другие персонажи дважды сравнивают его с Безобразовым («ЗТ», 169, 170). Несомненно, речь идет не об известном экономисте В.П. Безобразове, а о надменном крепостнике Николае Безобразове, одном из глашатаев аристократической оппозиции против реформ Александра II. Этот Безобразов в 1862 году выступил с предложением пересмотреть «Положения 19 февраля 1861 года», а в 1863 явился одним из основателей газеты «Весть», которая ставила целью «исправление ошибки 19 февраля 1861 года» – т. е. требовала реставрации крепостного права.

Достоевский был врагом не только нигилистов, но и русской крайне правой оппозиции, которую он называл «боярской партией». Двоякая политическая заостренность его замысла, как правило, игнорировалась исследователями «Бесов». В этот период Достоевский писал Аполлону Майкову, что Салтыков-Щедрин нападает на земство, как и самые ярые крепостники, что «крайняя либеральная партия в высшей степени стакнулась с «Вестью» и не может быть иначе». Писатель защищал реформы Александра II, усматривал совпадение интересов как правых, так и левых противников этих реформ. Об этом говорят записи из черновиков к «Бесам»:

«Нигилисты, дети помещиков» («ЗТ», 110).

«Некоторое время княгиня бредила о боярской партии и сошлась с Нечаевым, ибо нигилисты с боярами сходятся» («ЗТ», 145).

О князе: «Сначала проповедовал против демократов палку» («ЗТ», 159). «Новая форма боярина. Ужасно горд» («ЗТ», 160).

Итак, на ранней стадии разработки образа Ставрогина его предшественник Князь – это реакционер, враг реформ, идущий из ненависти к ним наговор с нигилистами, как, по мнению Достоевского, «стакнулись» газета «Весть» и «крайняя либеральная партия».

Давно установлено, что прототипом губернатора фон Лембке послужил тверской губернатор граф Баранов, а прототипом губернаторши – графиня Баранова. Эту чету из высшей русской знати Достоевский лично знал в Твери, в 1859. Мать Князя в черновиках прямо названа «Смирновой» («ЗТ», 113). Достоевский имел в виду известную Александру Смирнову-Россет. С прибавлением правого публициста Николая Александровича Безобразова мы получаем имена четырех реальных представителей русской аристократии, втянутых в орбиту творческой фантазии Достоевского. Это дает нам основания искать загадочного «князя А.Б.» в той же среде.

Но как, в каком направлении вести поиски? Аристократы, крупные землевладельцы с инициалами А.Б. довольно многочисленны (например, граф Алексей Бобринский). Тут никакие гадания нам не помогут, ключ к расшифровке криптонима следует искать в «Записных тетрадах». На страницах 79 – 80 этого издания мы находим среди набросков к «Бесам» побочную фабулу, озаглавленную «Мысль на лету». Вот ее начало: «В губернский город приезжает фельдмаршал с беременной любовницей. (Прельстить опять мужа). Муж с правилами, самосовершенствование, подкидные дети. Не пленяется, но ровен и любит. Входя в желание обольстить мужа, она обольщается сама...» («ЗТ», 79).

Далее разрабатывается характер «инфернальной» героини, и ее кроткого мужа. Нет необходимости пересказывать эту побочную фабулу. Сам факт типичен для процесса сюжетосложения у Достоевского, который сочинял сразу целый ряд фабул, чтобы потом сжать и сконцентрировать их в одну. Для нас существенно, что любовница фельдмаршала «была на казни Тропмана». Это казнь имела место в Париже в январе 1870 года. В наброске «Мысль на лету» фигурируют и нигилисты. Значит, эта фабула мыслилась писателем как актуальная, злободневная, что для нас весьма важно.

Из «Мысли на лету» в роман «Бесы» вошел только эпизод возвращения беременной жены к всепрощающему мужу. В «Мысли на лету» он назван Учителем – так в «Записных тетрадах» всюду именуется персонаж, которому в «Бесах» соответствует Иван Шатов. В романе Марья Шатова, беременная от Ставрогина, возвращается к Шатову, и он принимает ее восторженно, с любовью, без всяких упреков. Она же не только «обольщается сама», но считает Ставрогина подлецом, а будущего ребенка хочет назвать Иваном в честь мужа⁹.

Итак, Шатов соответствует Учителю из побочной фабулы. Речь идет пока только о совпадении сюжетных функций.

Отметим яркую нравописательность анекдота о фельдмаршале и его любовнице и зададимся вопросом: не могла ли эта фабула явиться отголоском подлинных событий и реальных биографий этой эпохи?

В момент создания фабулы «Мысль на лету» и всего романа «Бесы» только два человека в России носили высший военный чин генерал-фельдмаршала: граф Федор Федорович Берг и князь Александр Иванович Барятинский. Имя его и титул совпадают с «князем А.Б.» из записных тетрадей к «Бесам». Выясняется также, что характер А.И. Барятинского полностью совпадает с характеристикой блистательного, гордого и развратного «князя А.Б.» По нашему мнению, криптоним «А.Б.» следует расшифровывать: князь Александр Барятинский.

II

Сразу же возникает вопрос: каковы возможные источники осведомленности Достоевского о князе Барятинском? Что мог о нем знать писатель?

Оказывается, довольно много. Юность князя отразилась в известной юнкерской поэме Лермонтова «Госпиталь», ходившей по России в рукописных копиях (а Достоевский живо интересовался бесцензурной литературой). В поэме юный Лермонтов осмеивает амурные похождения своего соученика по юнкерской школе, называя его «князь Б., любитель наслаждений» и далее прямо – «Барятинский». Портретность персонажей этой поэмы общеизвестна.

Как известно, блестящий молодой генерал в рассказе молодого Толстого «Набег» прямо списан с А.И. Бярятинского, и писатель «даже беспокоился, что тот узнает в нем себя»¹⁰. Портрет генерала интересен именно своей фактичностью:

«Через несколько минут на крыльцо вышел невысокий, но весьма красивый молодой человек, в сюртуке без эполет, с белым крестом в петличке <...>. В походке, голосе, во всех движениях генерала выказывался человек, который себе очень хорошо знает высокую цену». Далее Толстой описывает фатовское прощание генерала с любовницей накануне набега на горцев. В рукописи «Набега» есть сцена, не вошедшая в канонический текст:

«Генерал въехал в аул; цепи тотчас же усилили, отодвинули, и пули перестали летать.

«Ну что ж, полковник, – сказал он, – пускай их жгут и грабят; я вижу, что им ужасно хочется», – сказал он, улыбаясь.

Голос и выражение его были такие же, с которым он у себя на бале приказал бы накрывать на стол; только слова другие. – Вы не поверите, как эффектен этот контраст небрежности и простоты с воинственной обстановкой».

Отношение Толстого к этой кокетливой жестокости выражено совершенно недвусмысленно. В литературной среде Петербурга могли знать, кто имеет в виду под генералом рассказа «Набег»: значит, мог знать и Достоевский.

В августе 1859 года, когда писатель только что переехал из Семипалатинска в Тверь, Бярятинский лично возглавил штурм Гуниба и взял в плен имама Шамиля, что положило конец Кавказской войне. За это князь Бярятинский сорока пяти лет от роду получил фельдмаршальский жезл (вместе с орденом Андрея Первозванного). Вся русская пресса, печать Европы и Америки прославляла «победителя Шамиля». В 1860 году бездарный Ростислав Фадеев, крeатура князя Бярятинского, опубликовал свою панегирическую книгу «Шестьдесят лет Кавказской войны», за которую фельдмаршал сделал Фадеева генерал-майором. Достоевский насмешливо относился к писаниям Фадеева, как свидетельствует целый ряд упоминаний в записных книжках писателя.

Во время своих заграничных поездок Достоевский, очевидно, читал эмигрантские издания, запрещенные в России. Вряд ли он

оставил без внимания скабрзные памфлеты знаменитого Петра Долгорукова¹¹. Этот мироненавистник рассказал между прочим и о том, что князь А.И. Барятинский еще молодым офицером состоял при цесаревиче (будущем Александре II), имел с последним общую любовницу, Марию Столыпину, которую они делили с завидным согласием. Между тем, Барятинский всю жизнь считал Лермонтова «безнравственным человеком».

В пору разгульной петербургской молодости князя Федор Достоевский учился в Инженерном училище, затем стал офицером и вращался в военной среде, которой был хорошо известен кирасир, затем лейб-гусар Барятинский, друг Жоржа Дантеса, адъютант его высочества цесаревича Александра Николаевича, красавец, игрок, повеса, дуэлист, навлекший однажды неудовольствие императора Николая. Этот блестящий аристократ и военный, гордый, развратный, отличавшийся несомненной личной храбростью, вообще был заметной фигурой своей эпохи. Он описан под своим собственным именем в лукавом рассказе Н.С. Лескова «Голос природы», где также содержатся недвусмысленные указания на женолюбие фельдмаршала. Получается, что о Барятинском в разные периоды его жизни писали Лермонтов, Толстой, Лесков. Сам этот факт косвенно свидетельствует, что князь Барятинский заслужил внимание такого жадного наблюдателя текущей истории нравов, каким был Достоевский. Князь был типичным представителем высшей русской знати.

Источники осведомленности Достоевского о нем могли быть весьма многочисленны и разнообразны: наряду с указанными источниками нельзя не учитывать устную хронику Петербурга, всевозможные анекдоты и рассказы о фельдмаршале, который вернулся в столицу империи как раз в 1859 году и был торжественно встречен двором. На Кавказ Барятинский больше не поехал, а стал царедворцем. Хотя он давно был личным другом Александра II, князь вместе с Орловым-Давыдовым, Николаем Безобразовым (о котором уже говорилось выше) и другими пытался бороться против освобождения крестьян. В своем дневнике под 2 февраля 1861 года князь В.Ф. Одоевский записывает, что Сологуб рассказывал дамам о близкой «эманципации» (освобождении крестьян): «Tout est consommé aujourd' hui – on nous exproprio – l'exaspération est à son comble... Барятинские, Орлов-Давыдов носы повесили...»¹².

Когда Д.А. Милютин, став военным министром, начал готовить и проводить свою известную реформу, совершенно необходимую для русской армии, фельдмаршал Барятинский (член государственного совета) возглавил так называемую «партию непримиримых», боровшуюся всеми силами против Милютина и проводимой им реформы. Мы знаем о близости Достоевского весной 1865 года с семейством Корвин-Круковских, которых он часто навещал (и даже сделал предложение Анне Васильевне Корвин-Круковской, будущей участнице Парижской Коммуны). Семейство же это состояло в родстве с военным министром Милютиным, который не скрывал своего уничтожающе пренебрежительного отношения к отставному фельдмаршалу. Эхо этой вражды сильно отзывалось в те годы по всем гостиним Петербурга, и уже по окончательным итогам ее сделаны записи в дневнике профессора Никитенко под 25 марта и 4 апреля 1873 года. Есть все основания предполагать, что у Корвин-Круковских Достоевский также мог слышать о фельдмаршале Барятинском.

Заслуженно забытый потомками, А.И. Барятинский был в то время широко известен. Его фотографический портрет, относящийся еще к сравнительно молодым годам его и приложенный к книге А.И. Зиссермана о князе¹³, изображает стройного офицера с тонкой талией, с очень красивым и холодным лицом. Он был похож на свою мать, урожденную графиню Келлер.

III

Князь Барятинский, в молодости известный кутила, повеса и развратник, сделавший затем головокружительную карьеру, известный реакционер и враг либеральных реформ, противник освобождения крестьян – это и есть, по нашему убеждению, «князь А.Б.»; это о нем говорит Достоевский в цитированных выше характеристиках: «гордый без права на то», «блистательный, завистливый, низкий», «развратнейший человек», «высокомерной аристократ», «отчаянный враг освобождения крестьян».

Мы считаем, что Достоевский в начале разработки образа Князя (будущего Ставрогина) ориентировался на характер князя А.И. Барятинского вне его биографической конкретности. Его интересовал не покоритель Кавказа, а яркий социальный тип

развратного и блистательного аристократа, гордого красавца, человека с крайне реакционными политическими взглядами и, несомненно, внутренне ущербного. В Бярятинском погибли задатки действительно крупной личности, современники сходились в оценке его ума, культуры, больших и разнообразных способностей. Все это ушло на интриги Зимнего дворца. В конце жизни Бярятинский очень скучал: слава, безделье, пресыщение, хандра. Только частные детали биографии Бярятинского вошли в окончательный текст романа «Бесы». Это ранняя смерть генерала Ставрогина (отец Бярятинского умер, когда мальчику было десять лет); руссоистское воспитание героя (мальчиком Бярятинский сам пахал землю при помощи специально сделанного миниатюрного плуга); неожиданный перелом характера Николая Ставрогина в Петербурге и его буйные кутежи (Бярятинский имел большой успех у женщин, отличался дерзкими проказами, за одну из которых поплатился арестом на пять или шесть месяцев, угодил в какую-то таинственную историю, о которой не хотят говорить биографы, но которая вызвала его отправку на Кавказ, в действующую армию); дружба Ставрогина с различными незаурядными людьми (Бярятинский дружил с египтологом Гульяновым, с юным Иосифом Виельгорским, который был также и другом Гоголя); путешествия Ставрогина и слушание лекций знаменитых европейских ученых (точное соответствие биографии Бярятинского).

Однако Ставрогин отличается не только от Бярятинского, но и от К.А.Б. из черновиков. Достоевский не строил образ по преимуществу на основе реального прототипа: ему нужно было сгущать и усиливать реальные черты, он считал, что в жизни Подколесины существуют «в разжиженном состоянии». Средства усиления романист искал в предшествующей литературе. При создании образа Ставрогина он использовал запас своих житейских впечатлений и литературные заимствования самого неожиданного характера. Он придал Ставрогину ряд утрированных черт Печорина из «Героя нашего времени», а одна из сцен романа «Бесы» содержит парафразу сцены Фауста и Маргариты в тюрьме (это первым обнаружил Вячеслав Иванов). Нами недавно было выдвинуто предположение, что сцену дуэли Ставрогина и Гаганова и вообще мотив «бесплодного всемогущества» Ставрогина следует рассматривать в связи с «Героем нашего времени» Лермонтова и с «Шагренево́й кожей» Бальзака¹⁴.

Но зерном центрального образа романа, первым истоком творческой разработки Ставрогина явился тот «князь А.Б.», который был еще относительно близок к реальному историческому прототипу – А.И. Бярятинскому.

Город, в котором происходит действие «Бесов», – это не просто Тверь, какой ее знал Достоевский (сходство с Тверью несомненное), а Россия в миниатюре. Автор ввел в роман обширные воспоминания о знаменитом вечере в петербургском зале Руадзе (1862), о петербургских пожарах 1862 года. Во многих персонажах губернской драмы Достоевский сконцентрировал целую портретную галерею русской аристократии. Это не картина русской провинции, а символический русский город, представляющий собой Россию.

Николай Ставрогин подчиняется тому же новаторскому принципу Достоевского – принципу реалистической символизации. Видимо, этот характер создавался автором на основе нескольких прототипов, в числе которых не было однако Бакунина. Остается загадкой «доля» Спешнева в составе образа. Его прототипами были представители высшей аристократии, подобные Бярятинскому и Николаю Безобразову. Сочетание подлинной истории заговоров в Петровской Земледельческой Академии с типом разложившегося аристократа представляется на первый взгляд совершенно неслыханной дерзостью, вопиющим вызовом правдоподобию. Однако в мире романа Достоевский сумел установить органическое единство, воссоздать внутреннюю логику развития антинародного барства к беспринципному терроризму – логику презрения к людям. Если Достоевский и погрешил против конкретных фактов (впрочем, он и не претендовал на точное изображение дела Нечаева), то он оказался верен истине в разоблачении мелкобуржуазного, анархо-индивидуалистического «революционализма». Дерзость новатора, посмеявшегося связать несоединимое, привела к удаче. Несмотря на огромный ущерб, причиненный роману «Бесы» редактурой Каткова, книга оказалась одним из сильнейших произведений Достоевского.

¹ Лейкина В. Петрашевы. М., 1924; Полонский В.П. и Гроссман Л.П. Спор о Бакуanine и Достоевском. Л., 1926.

² Гроссман Л. Творчество Достоевского. М., 1928. С. 281.

³ Записные тетради Ф.М. Достоевского. Academia, 1935 (далее цитируется в тексте с сокращением «ЗТ»).

⁴ Mackiewicz St. Dostojewski. Warszawa, PIW. 1957.

⁵ Там же. С. 210 – 211.

⁶ Там же. С. 211.

⁷ Выражаю свою глубокую благодарность Р.Н. Поддубной (Харьков), обратившей мое внимание на книгу Мацкевича и в частности на его трактовку интересующей нас проблемы.

⁸ См.: Назиров Р.Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. 1970. № 2; того же автора – О прототипах некоторых героев Достоевского // Достоевский. Исследования и материалы. Т. 1. М.; Л., 1974.

⁹ До каких нелепостей может дойти поверхностное и предубежденное чтение с априорной установкой, показывает книга Джоржа Стейнера «Толстой или Достоевский» (N.Y., 1959): «Когда рождается сын Марьи Шатовой, она называет его Иваном, ибо он – дитя Ставрогина и тайный наследник его царства» (р. 314). Упирая на «Ивана-царевича», Стейнер забыл имя Шатова.

¹⁰ Арденс Н.Н. Творческий путь Л.Н. Толстого. М., 1962. С. 38.

¹¹ Долгоруков П.В. Петербургские очерки (памфлеты эмигранта). М., 1934.

¹² Все свершилось сегодня – нас экспроприируют – отчаяние дошло до предела»... – и т. д. См.: Лит. наследство. Т. 22 – 24. М., 1935. С. 126.

¹³ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. М., 1888.

¹⁴ Romain Nazirou. Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski) // Dostoievski, éd. de l'Herne. P., 1973. P. 279 – 287.

1976

ЮМОР ДОСТОЕВСКОГО

Не подменяя специальных обзоров, попытаемся для начала дать лишь характеристику самой сложности понятия юмор. Юмор, несомненно, – явление новых времен, он отличается от архаического смеха и начинается с «Дон Кихота» Сервантеса. Достоевский признавал этот роман величайшей книгой в истории человечества и в то же время «самой грустной из книг». Такое понимание юмора Л.Е. Пинский связывает с эпохой романтизма и считает односторонним. Интересно в этом отношении мнение современного испанского писателя: «Для нас, испанцев, настоящий юмор – это юмор Сервантеса, смеявшегося над тем, что он сам в глубине души любил и что в нем самом потерпело неудачу. Наше чувство юмора так же, быть может, как и у Чехова, – это меланхолическая улыбка»¹.